

УДК 81'33

О ДИНАМИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИССЛЕДОВАНИЮ УСТНО-РЕЧЕВОГО НАВЫКА

Елена Юрьевна Верхолетова

к. филол. н., доцент кафедры судебных экспертиз

**Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**

125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9. everkholetova@bk.ru

В статье рассматривается подход к описанию навыка устной речи, учитывающий такие свойства речи, как необратимость, диссипация, автоматизация. Показаны возможности данного подхода, соединяющего работы Л. Выготского и Н. Бернштейна с физической теорией И. Пригожина, биологической концепцией аутопозза У. Матураны и Ф. Варелы и концепцией зеркальных нейронов Дж. Риццолатти. В частности, представлена возможность описания навыка в качестве объективно обусловленного уровня автоматизации речи, являющегося, с одной стороны, фактором развития, с другой – своего рода фактором принуждения как для конкретного говорящего индивида, так и для социума в целом.

Ключевые слова: речь; устно-речевой навык; необратимость; диссипативная структура; речевой автоматизм; координация; аутопозз; социальная нейронаука.

Практика решения прикладных задач порой вызывает к жизни такие вопросы теоретического характера, без ответа на которые данные задачи могут оказаться полностью либо частично неразрешимыми. Так, проблема получения дополнительной лингвистической информации об индивидуальных речевых навыках человека, в особенности – о навыках устной речи, становится как все более актуальной, так и все более сложной, что обусловлено причинами различного порядка.

В частности, объективной (внешней) причиной можно считать широкое распространение цифровых средств фиксации речевой информации, существенно осложняющее решение идентификационных и неидентификационных задач по установлению фактов речепорождения, производство надежной и достоверной экспертизы голоса и речи человека или установление подлинности фонограмм. В качестве причин собственно экспертного (внутреннего) характера можно указать, например, на часто возникающие в практике производства автороведческих и фоноскопических экспертиз «пограничные проблемы исследования речи, затрудняющие отнесение того или иного текста, зафиксированного в звучащей или графической форме, к тому или иному виду речи – письменной или устной» [Галашина 2003: 77].

При этом задачу разграничения письменной и устной речи, монолога и диалога в современных условиях можно дополнить столь же нетривиальными задачами установления спонтанности

или подготовленности исследуемого речевого продукта, выявления социальных характеристик автора речевого продукта, а также иными задачами, связанными прежде всего с реальным функционированием живой речи конкретных носителей языка.

Нам представляется, что именно навык устной речи лежит в основании разграничения многих названных видов речи, в особенности же – разделения на спонтанную и подготовленную речь.

Поскольку в работах, посвященных исследованию речи, с целью упорядочения и систематизации материала на сам этот материал – речь – зачастую накладываются заведомые ограничения и поскольку также «направление лингвистического внимания прямо противоположно направлению живого понимания говорящих, причастных данному речевому потоку» [Бахтин 1998: 374], то сколь бы убедительны ни были данные исследования, ответа на вопрос, как и из чего строится устное высказывание в действительности, они пока не дают.

Устная спонтанная речь обладает свойствами необратимого процесса, описать которые затруднительно как со стороны системы языка, так и со стороны отдельно взятой индивидуальной психики говорящего индивида. Но поскольку речь объективно необратима, то это ее свойство не может не отражаться на возникающих при этом структурах и, следовательно, не может сбрасываться со счетов. «Необратимость играет суще-

ственную конструктивную роль. Невозможно представить себе жизнь в мире, лишенном взаимосвязей, создаваемых необратимыми процессами...» [Пригожин 2000: 5].

Под динамическим подходом к речи мы понимаем учет таких свойств речи, как хаотичность и диссипация, поскольку они наблюдаются в физическом плане и связаны с необратимостью речи во времени. Несмотря на то что о «бессвязном хаосе» и «разрозненных стихиях», в которых пребывает говорящий, писали еще В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня, именно данные свойства речи – хаотичность и диссипация – до сих пор составляют главное препятствие для сколь угодно исчерпывающего описания речи. С другой стороны, именно наличие данных свойств подсказывает и возможные пути дальнейшего исследования.

Следует признать, что, несмотря на всеобщее признание гениальных открытий Л.С. Выготского и М.М. Бахтина, проложивших путь к исследованию столь специфического феномена, как **становление**, вопрос о реальном изучении конкретного становления речи конкретного говорящего остается открытым.

«Мысль не выражается в слове, но совершается в слове. Можно было бы поэтому говорить о становлении (единстве бытия и небытия) мысли в слове», – пишет Л.С. Выготский [Выготский 1996: 306]. М.М. Бахтин же прямо исходит из того, что «действительность языка и есть его становление» [Бахтин 1998: 350]. Таким образом, не только мысль становится в слове, но и язык становится в речи. При этом речь есть одновременное становление языка из «разрозненных стихий» и «бессвязного хаоса» (А.А. Потебня) и становление мысли из «безбрежного океана внутренней речи» (М.М. Бахтин). Говорящий всегда в эпицентре взаимодействия этих «стихий» или, говоря более современным языком, в эпицентре непрекращающихся взаимодействий, вызываемых необратимыми процессами, что является по существу характеристикой открытых И. Пригожиным «диссипативных структур».

Как именно реагирует говорящий на эти неосознаваемые им взаимодействия как внутреннего (психофизиологического), так и внешнего (социального) характера? Он непрерывно обучается, сознательно и неосознанно вырабатывая (приобретая) свои индивидуальные навыки речи. «Эволюция, по крайней мере в области живого, по существу представляет собой процесс обучения. Более тонкий подход к динамике самоорганизации учитывает число степеней свободы, которым располагает система для самоопределения своей собственной эволюции и для нахождения

временной оптимальной устойчивости при заданных условиях» [Янч 1999: 148].

Мы полагаем, что именно в терминах динамики «неравновесных систем», «диссипативных структур» наглядней всего может быть описана спонтанная речь индивида. Все так называемые «точки бифуркации» (точки кризиса, или гезитативы), флуктуации (повторы) образуют в речи каждого индивида свой неповторимый рисунок (траекторию), вполне сопоставимый до некоторой степени, например, с почерком: «в разговорной речи у говорящего не индивидуальный стиль, а индивидуальная манера строить свое высказывание» [Бахтин 1998: 230].

Представляется, кроме того, что диссипативность речевых структур, обусловленная необратимостью времени и создающая пресловутую хаотичность спонтанной речи, составляет лишь часть речевого механизма, условно говоря, одну его фазу, которая должна быть чем-то «уравновешена», иначе речь становится бессвязной и недоступной для понимания. Можно предположить, что другую, противоположную по своей направленности фазу, или второй ведущий «элемент» речевого механизма, составляет так называемый «речевой автоматизм», впервые описанный Л.П. Якубинским. Существенным является то обстоятельство, что этот второй элемент можно при известном усилии зафиксировать именно в качестве навыка и выразить с точностью не меньшей, чем это достигнуто в отношении, например, почерка.

Л.П. Якубинский различал, с одной стороны, «случаи сложной речевой деятельности», «случаи непривычной речевой деятельности, а тем более случаи деятельности сложно-непривычной», которые характеризуются «сознаваемостью речевых фактов и сосредоточением на них внимания (в той или иной степени)»; с другой стороны, такую речевую деятельность, «которой не свойственны ни сложность (т.е. моменты борьбы мотивов или отбора), ни непривычность (говорения или восприятия) и при которой речевые факты осознаваемы либо в крайне малой степени, либо вовсе не осознаваемы и не являются объектом внимания... В этом последнем случае мы пользуемся речью как бы “бессознательно”, автоматически» [Якубинский 1986: 52]. Далее он писал о «речи, протекающей в порядке простого волевого действия с привычными элементами; <...> речевые факты не входят в сознание, не подлежат вниманию – ни в момент, предшествующий началу деятельности (так как нет отбора и борьбы мотивов), ни во время самой деятельности (так как они привычны)»; «особенно автоматизированными» он называл «слова и вы-

ражения, особенно часто употребляемые и повторяемые» [Якубинский 1986: 52].

Уточним, что в реальности практически не бывает ситуаций, когда речь течет плавно и без помех, когда нет «отбора и борьбы мотивов», когда никто не допускает оговорки или обмолвок. Привычными же и, следовательно, «особенно автоматизированными» для многих говорящих являются множественные повторы не самых информативных элементов – хезитативов, частиц, местоимений и т. п., тем более частые, чем более затруднена речь. Таким образом, немаловажный вопрос о том, что именно происходит в моменты «включения сознания» / отключения автоматического режима, остается открытым, равно как и вопрос, в каких именно ситуациях и как именно происходит указанное отключение автоматизма.

Мышление «организует наше приспособление к миру в особенно сложных ситуациях, <...> регулирует наше отношение к реальности» [Выготский, Лурия 1993: 138]; но проблема заключается в том, что сложность или простота ситуации никак не заданы априори, сложность может возникнуть в любой момент речи (как извне, так и изнутри, из внутренних мотивов или побуждений самого говорящего) – это характеристики становления самой ситуации, в которой протекает речь.

Как представляется, основным и ведущим моментом в процессе говорения является интегральная ориентация говорящего в ситуации, предполагающая одновременный учет множества разнохарактерных сигнализаций, в том числе и так называемых «сбивающих моментов». Все ситуации речи можно признать в той или иной степени сложными, но тогда следует определиться: либо человек постоянно вынужден контролировать свою речь (и тогда она уже не автоматизирована), либо в сложные моменты должны работать автоматизмы иного порядка.

Анализ значительного объема зафиксированных текстов спонтанной речи (см. подробнее [Верхолетова 2010]) показывает, что в каждом без исключения высказывании отчетливо выделяются единицы различных динамических уровней речи. Под динамикой при этом понимается собственно становление высказывания как целого, т. е. последовательное проявление/возникновение в реальной речи тех или иных элементов.

Выделенные уровни можно квалифицировать как уровни автоматизации речи. При иных исследовательских задачах, включающих более точную детализацию, уровни могут выглядеть и называться иначе.

1. Нулевой уровень – доречевой уровень, «точки кризиса», или «точки бифуркации», называемые также хезитативами: *э-э, эи, ну, м-м* и т. п.

2. Первый уровень, следующий за нулевым – уровень собственно автоматизмов (или вербальных хезитативов), к которым относятся простые частицы: *вот, так, именно, только, это, что* и пр.; более сложные формы: *может быть, наверно(е), потому что, поэтому* и пр.; составные формы: *вот так вот, вот здесь вот, вот там вот, как (их) сказать, всё (уже) это* и т. п.

3. Второй уровень – уровень «аттрактора» или темы; к данному уровню относятся все повторяющиеся в высказывании элементы, не являющиеся автоматизмами 1-го уровня: выделяются типы повторяющихся конструкций, модальность, позиция говорящего, выраженная личными местоимениями или их отсутствием: *я – не знаю чё рассказать – я не знаю чё рассказать; у меня есть то что мне нужно – то что мне нужно – у меня есть; очень интересная работа – дети очень интересные; поэтому нравится – нравится потому что* и т. п.

4. Высший, третий, уровень – уровень «сингулярностей», т. е. неповторяющихся элементов; данный уровень наиболее показателен именно в структурных характеристиках индивидуальной речи, здесь также можно встретить явные автоматизмы, но, так сказать, в штучном исполнении: *превосходно, абсолютно, как правило, бесподобно, примерно*.

Приведенное распределение структур по динамическим уровням, разумеется, требует дальнейшей проработки. Так, на второй уровень, где находятся повторы конструкций, может попасть также, например, и повтор хезитативной конструкции (состоящей к тому же из хезитативов как нулевого, так и первого уровней): *э-э ну это вот такая как бы – э ну это вот э-э такая как бы*, – что до некоторой степени отражает реальную степень владения речью. Правда, это единственный случай для обширной выборки исследуемых текстов.

Представляется немаловажным сопоставить приведенные выше уровни автоматизации речи с современной концепцией функционально-динамических комплексов (ФДК) навыков, разработанной первоначально для почерковедческой экспертизы и восходящей к учениям И.П. Павлова, Н.А. Бернштейна и А.П. Анохина. В данной концепции автоматизм действий рассматривается как результат формирования и закрепления навыков и отказ от постоянного и интенсивного внимания (контроля). Под навыком же современная криминалистика понимает «образующийся в результате упражнения автоматизированный компонент сознательной деятельности человека, не требующий сознательного контроля и обусловленный образованием в коре головного мозга ди-

намического стереотипа» [Чулахов 1998: 14]. Можно заключить, что приведенные нами уровни автоматизмов под данные определения не попадают, во всяком случае, уровни ниже третьего. Не углубляясь в данном случае в обсуждение различий между письмом и устной речью (поскольку положения концепции ФДК навыков разрабатывались именно для анализа почерка), укажем лишь, что учет необратимости процесса речи играет здесь существенную роль. Для того же, чтобы как-то развести между собой столь схожие (в своей повторяемости и фиксированности) и вместе столь различные (по функциям) феномены, можно было бы, например, обозначить автоматизмы низших уровней – по аналогии с термином «негэнтропия» – как «негавтоматизмы», своего рода издержки формирования навыка.

Выдающийся физиолог Н.А. Бернштейн построил свою теорию движений на уровневом принципе, где уровень определяется двигательной задачей: выделяются пять уровней построения движений, различающиеся между собой анатомическим субстратом, ведущей афферентацией, основными функциями и – что в нашем случае наиболее существенно – различной степенью осознанности выполняемых действий. Обозначаются уровни латинскими буквами, где А – низший, а Е – высший из уровней. Кроме того, Н.А. Бернштейн дает исчерпывающую, на наш взгляд, характеристику автоматизмов: «Автоматизмы – это те координации, реализуемые на низовых уровнях, которые не содержатся сами по себе в двигательных контингентах этих уровней, не имеют в них мотивов к возникновению и экфории¹, а получают эти мотивы от вышележащих уровней. Везде, где удастся проследить генез автоматизмов, они оказываются приобретенными прижизненно, т. е. прошедшими в какой-то момент через стадию автоматизации. В результате такого прижизненного процесса в контингентах движений различных уровней построения формируются специальные фоновые компоненты, возникающие под координационным воздействием более высоких уровней и только в них встречающиеся в дальнейшем мотивы для экфории. Коротко говоря, автоматизм есть фоновая координация в уровне N, создаваемая в нем и экфорлируемая вышележащим уровнем Р. В качестве N и Р в этой алгебраизированной формулировке могут фигурировать очень разнообразные конкретные индексы уровней» [Бернштейн 1990: 175]. Получается, что приведенные нами низшие уровни автоматизмов (нулевой и первый) не дотягивают даже до фоновой координации, т. к. не

мотивированы ни в малейшей степени вышележащими уровнями.

При этом навыки речи и письма Н.А. Бернштейн относил к «высшим» и даже «сверхвысшим» автоматизмам уровня Е, с наличием в них большого числа «иерархически наслоенных этажей или <...> иерархически наслоенных одна на другую координационных перешифровок» [там же: 136]. В таком понимании развитый навык устной речи выступает как некий «абсолют» или «идеал», заключающийся в свободном, т. е. доведенном до автоматизма, владении устной формой литературной речи в любой ситуации общения.

В приведенной нами иерархии речевых автоматизмов к настоящему навыку устной речи следует, по-видимому, отнести лишь высший, третий уровень «сингулярностей», т. е. доведенное до автоматизма отсутствие лишних слов и избыточных повторов, что до некоторой степени противоречит мнению Л.П. Якубинского о том, что наиболее автоматизированными являются наиболее часто встречающиеся элементы. Впрочем, и с определением навыка как выработанного в сознательной деятельности посредством упражнений компонента деятельности, как мы видим, низшие уровни автоматизмов нашей модели так же затруднительно согласовать.

Если же не отождествлять навык и автоматизм, то существующие в «автоматическом» режиме многочисленные повторы самого различного характера, затрудняющие речь иногда в чрезвычайной степени (то, что мы назвали «негавтоматизмами»), по всей видимости, будут являться лишь проекцией навыка на «нижележащие» уровни, не доходя не только до уровня Е, но и до уровня D, и, следовательно, будут характеризовать разные степени развития, или вернее – недоразвития навыка. По совокупности как внутренних (психофизиологических), так и внешних (социальных) причин данные структуры фиксируются именно на этой стадии и превращаются в привычку, т. е. в тот же навык, но со знаком «минус».

Ключевым в данном вопросе у Н.А. Бернштейна выступает понятие **координации**. «Координация движений есть преодоление избыточных степеней свободы движущегося органа, иными словами – превращение его в управляемую систему. <...> с намерением говорится не о закреплении, протормаживании и т. п. избыточных степеней свободы, а об их **преодолении**» [там же: 384]. Развитый навык и есть координация, преодолевающая избыточные степени свободы, а привычкой может стать именно их «закрепление, протормаживание и т. п.», что мы и наблюдаем на низших уровнях речевых автома-

тизмов, т. е. неавтоматизмы есть признак отсутствия координации.

Приведенное выше понятие «степеней свободы» применительно к спонтанной речи вполне согласуется со следующим выводом автора «диссипативных структур» И. Пригожина: «сильно неравновесные связи существенно ограничивают разнообразие этого поведения по сравнению с априорной равновероятностью всех возможных режимов» [Пригожин, Стенгерс 2000: 82], с той оговоркой, что «неравновесными связями» ограничивается абсолютная свобода, т. е. неупорядоченный речевой хаос, а отнюдь не языковая свобода реального говорящего, обусловленная как раз владением нормой и правилами. Можно сказать, что, будучи усвоены в процессе социального взаимодействия, система и норма (т. е. навык в понимании Н.А. Бернштейна) не только не ограничивают свободу говорящего, но, напротив, в той мере дают свободу, в какой обеспечивают упорядочение, преодоление всегда наличного речевого хаоса (избыточных степеней свободы).

Из всего сказанного напрашивается вывод, что исключительно автоматизмами невозможно ни уравновесить постоянно воспроизводящийся речевой хаос (неавтоматизмы его лишь усиливают), ни тем самым преодолеть избыточные степени свободы. Наряду с диссипацией (рассеянием энергии) и автоматическим режимом как способом закрепления навыка или его негативной разновидности (привычки) должен существовать, как представляется, некоторый более основательный механизм, генерирующий те самые структуры (диссипирующие либо автоматизируемые) и те самые навыки (фиксируемые посредством автоматизмов высших уровней).

Почти одновременно с открытием И. Пригожина биологами Иллинойского университета была дана «новая формулировка свойств живых систем», где центральным понятием стал **аутопоэз**²: «Мы заявляем, что живые существа характеризуются тем, что постоянно самовоспроизводятся. Именно на этот процесс самовоспроизводства мы указываем, когда называем организацию, отличающую живые существа, аутопоэзной организацией» [Матурана, Варела 2001: 40]. Аутопоэз является при этом интегральным и универсальным понятием для различающихся механизмов разных типов самовоспроизводства, присущих разным формам жизни – от клеток организма до целых обществ, одновременно являясь и результатом, и источником так называемых «структурных сопряжений». «Мы говорим о структурном сопряжении всякий раз, когда пишется история рекуррентных взаимодействий, приводящих к структурной конгруэнции между двумя (или более) си-

стемами. Среди всех возможных взаимодействий между системами существуют такие, которые имеют явно выраженный рекуррентный, или повторяющийся, характер» [там же: 68]. Повидимому, можно считать любые автоматизмы лишь одной из разновидностей рекуррентных взаимодействий, т. е. частным случаем аутопоэза.

Примечательно, что если у Н.А. Бернштейна речь идет, в основном, о внутренней координации, то у биологов У. Матураны и Ф. Варелы – о координации, в том числе внешней (социальной): жизнь «являет собой изысканную хореографию поведенческой координации <...> Сознание и разум лежат в области социального сопряжения – именно там источник их динамики <...> Кроме того, поскольку мы существуем в языке, порождаемые нами дискурсные области (поля суждений) становятся частью нашей области существования, равно как и фрагментом окружающей среды, в которой мы сохраняем идентичность и адаптацию» [там же: 206–207]. Таким образом, именно в неустранимой и развивающейся социальной сопряженности, воспроизводящей себя в различных формах и видах, и пребывает этот ресурс или неисчерпаемый источник формирования любых, в том числе речевых, навыков.

Некоторый свет на то, как на самом глубинном, нейронном уровне осуществляется социальное, в частности, лингвистическое сопряжение между индивидами, а следовательно, каким образом возникают, воспроизводятся и могут передаваться от одного индивида к другому динамические стереотипы, т. е. навыки – проливает еще одно активно развивающееся направление естественнонаучных исследований, которое получило название **социальная нейронаука**. Задача этого направления состоит в познании нейрофизиологических механизмов социального поведения. По мнению известного нейрокognитивиста Дж. Риццоллатти, открывшего в начале 1990-х годов так называемые «зеркальные» нейроны, «моторное знание о наших собственных действиях есть необходимое и достаточное условие незамедлительного понимания действий других». Главная задача «зеркальных» нейронов связана «с пониманием значения действий других <...> в терминах целенаправленных движений», т. е., «зеркальный механизм фиксирует интенциональный аспект действий, общий для наблюдателя и исполнителя» [Риццоллатти, Синигалья 2012: 9–10].

Таким образом, в чрезвычайно изменчивой и подвижной, практически хаотичной речевой среде посредством не осознаваемых механизмов у человека вырабатываются собственные (автомные), но в разной степени сопряженные с со-

циальным окружением речевые навыки, которые, будучи в разной степени автоматизированы, в то же время под действием тех же самых механизмов являют собой весьма изменчивые структуры.

«Каждая структура есть принуждение. Мы, люди, существуем как люди в сети структурных связей, которую мы непрерывно плетем <...> уникальность человека заключается исключительно в социальной структурной сопряженности, которая осуществляется через оязычивание, порождающее (а) регулярности, свойственные социальной динамике человека, например, индивидуальность и самосознание, и (б) рекурсивную социальную динамику <...>, которая влечет за собой рефлексии, позволяющую понять, что как человеческие существа мы обладаем только тем миром, который создаем вместе с другими людьми, нравятся нам они или нет» [Матурана, Варела 2001: 216–217].

С точки зрения динамического подхода к речи можно заключить, что речевой навык есть относительно устойчивая способность к координации речевых действий и «нахождению временной оптимальной устойчивости при заданных условиях», служащая «сохранению идентичности и адаптации» индивида [там же]. Поскольку речевой навык является результатом взаимодействия двух ведущих, но разнонаправленных механизмов – диссипации и аутопоэза, его устойчивость, равно как и изменчивость, в любой момент может быть ограничена как внутренними, так и внешними факторами.

Примечания

¹ От греч. *ekphoreo* – выносить; здесь: *воспроизведение*.

² Имеется несколько вариантов перевода данного термина: *автопоэзис*, *аутопоэзис*, *аутопойезис*, *аутопоэз*. В статье используется вариант перевода цитируемого здесь издания.

Список литературы

- Бахтин М.М. Марксизм и философия языка // Бахтин М.М. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. 608 с.
- Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность / под ред. О.Г. Газенко. М.: Наука, 1990. 495 с.
- Верхолетова Е.Ю. Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 16 с.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996. 416 с.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
- Галышина Е.И. Основы судебного речеведения / под ред. М.В. Горбаневского. М.: СТЭНСИ, 2003. 236 с.
- Матурана У., Варела Ф. Древо познания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
- Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: К решению парадокса времени. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 240 с.
- Риццоллатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания / пер. с англ. О.А. Кураковой, М.В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.
- Чулахов В.Н. Навыки и привычки человека как источник криминалистически значимой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 23 с.
- Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58.
- Янч Э. Самоорганизующаяся вселенная // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 143–158.

THE DYNAMIC APPROACH TO STUDYING ORAL SPEECH SKILLS

Elena Yu. Verkholetova

Assistant Professor, Forensic Expertise Department
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article deals with the approach to describing oral speech skills taking into account such properties of speech as irreversibility, dissipation, automation. The potentials of this approach linking the works of L. Vygotsky and N. Bernstein with the physical theory of I. Prigogine, the biological concept of autopoiesis of U. Maturana and F. Varela, and the concept of mirror neurons by J. Rizzolatti are shown. In particular, it is possible to describe the skill as an objectively conditioned level of automation of speech which represents, on the one hand, a development factor, and on the other hand – a kind of coercion factor for both the individual speaker and the society as a whole.

Keywords: speech; oral speech skills; irreversibility; dissipative structure; speech automatism; coordination; autopoiesis; social neuroscience.